

ПОЗИЦИЯ США ПО ГЕРМАНСКОМУ ВОПРОСУ НА КВЕБЕКСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ В СЕНТЯБРЕ 1944 г.

А. И. Коновалов

История военных лет показывает, что проблемы послевоенной политики в Европе стали обсуждаться правительственными кругами США еще в первые годы второй мировой войны. В решение этой задачи были вовлечены президент, обе палаты конгресса, многие органы исполнительной власти, включая государственный департамент, а также руководство вооруженных сил.

Аналогичный вопрос был поставлен и в правительственных кругах Англии. Американо-английская дипломатия стремилась как можно шире распространить господствующее положение западных империалистических держав в Европе. Западные союзники придавали большое значение выработке наиболее выгодных для себя условий послевоенного устройства мира¹.

Коренной перелом, достигнутый в ходе второй мировой войны на советско-германском фронте в 1943 г., выдающиеся успехи Советских Вооруженных Сил постепенно заставили большинство представителей правительственных кругов США осознать громадную мощь Советского Союза и привели их к выводу, что необходимо укреплять сотрудничество с СССР для нанесения полного военного поражения Германии. Этой оценкой США руководствовались, когда принимались решения на Московской и Тегеранской конференциях. С другой стороны, военные руководители считали, что Соединенные Штаты после войны должны будут опираться при решении европейских проблем на Великобританию².

На Тегеранской конференции, на которой впервые за годы войны встретились И. В. Сталин, Ф. Рузвельт и У. Черчилль, обсуждались военные вопросы и проблемы послевоенного устройства мира, в частности германский вопрос. К этому времени было очевидно, что Советский Союз может победить Германию собственными силами. Это, а также настойчивость Советского правительства, стремившегося к скорейшему окончанию войны с наименьшими жертвами, вынудило руководителей США и Англии указать окончательную дату открытия второго фронта во Фран-

¹ Churchill W. The Second World War. Boston, 1954, vol. VI, p. 90.

² Шервуд Р. Рузвельт и Гопкинс глазами очевидца. М., 1958, т. 2, с. 431—432.

ПОЗИЦИЯ США ПО ГЕРМАНСКОМУ ВОПРОСУ НА КВЕБЕКСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ В СЕНТЯБРЕ 1944 г.

А. И. Коновалов

История военных лет показывает, что проблемы послевоенной политики в Европе стали обсуждаться правительственными кругами США еще в первые годы второй мировой войны. В решение этой задачи были вовлечены президент, обе палаты конгресса, многие органы исполнительной власти, включая государственный департамент, а также руководство вооруженных сил.

Аналогичный вопрос был поставлен и в правительственных кругах Англии. Американо-английская дипломатия стремилась как можно шире распространить господствующее положение западных империалистических держав в Европе. Западные союзники придавали большое значение выработке наиболее выгодных для себя условий послевоенного устройства мира¹.

Коренной перелом, достигнутый в ходе второй мировой войны на советско-германском фронте в 1943 г., выдающиеся успехи Советских Вооруженных Сил постепенно заставили большинство представителей правительственных кругов США осознать громадную мощь Советского Союза и привели их к выводу, что необходимо укреплять сотрудничество с СССР для нанесения полного военного поражения Германии. Этой оценкой США руководствовались, когда принимались решения на Московской и Тегеранской конференциях. С другой стороны, военные руководители считали, что Соединенные Штаты после войны должны будут опираться при решении европейских проблем на Великобританию².

На Тегеранской конференции, на которой впервые за годы войны встретились И. В. Сталин, Ф. Рузвельт и У. Черчилль, обсуждались военные вопросы и проблемы послевоенного устройства мира, в частности германский вопрос. К этому времени было очевидно, что Советский Союз может победить Германию собственными силами. Это, а также настойчивость Советского правительства, стремившегося к скорейшему окончанию войны с наименьшими жертвами, вынудило руководителей США и Англии указать окончательную дату открытия второго фронта во Фран-

¹ Churchill W. The Second World War. Boston, 1954, vol. VI, p. 90.

² Шервуд Р. Рузвельт и Гопкинс глазами очевидца. М., 1958, т. 2, с. 431—432.

ции — май 1944 г. Конференция явилась вкладом в укрепление антигитлеровской коалиции. В результате позиции советской делегации, выступившей за принятие решительных мер, которые исключили бы опасность возрождения германского милитаризма и повторения агрессии, на конференции была принята «Декларация трех держав», в которой указывалось, что СССР, США и Англия исполнены решимости «работать совместно как во время войны, так и в последующее время»³. Были согласованы планы уничтожения германских вооруженных сил и установления такого мира, который устранил бедствия и ужасы войны на многие поколения. Вступление войны против Германии в 1944 г. в решающую фазу явилось причиной большой активизации обсуждения в правительстве США германского вопроса, связанного с общими проблемами послевоенного урегулирования.

Долгое время планы американских правительственных кругов строились на прогнозах о возможности серьезного ослабления СССР в борьбе с Германией. Однако в Вашингтоне и в Лондоне вскоре убедились, что такие прогнозы не оправдываются. Советское государство вопреки надеждам реакционных кругов Запада выходило из тяжелых испытаний войны окрепшим.

Влияние СССР на ход второй мировой войны и международную обстановку усиливалось, тем самым рушились концепции американско-английских правящих кругов относительно послевоенного соотношения сил. Поэтому открытие второго фронта в июне 1944 г. в Европе они стремились использовать для установления американско-английской гегемонии в Европе, упрочения стратегических и политических позиций Соединенных Штатов Америки и Великобритании, капиталистической системы в целом.

Однако единство США и Англии в достижении конечных целей войны еще не означало, что между ними существовало полное единодушие во всех внешнеполитических вопросах. Трения и разногласия у них существовали по целому ряду проблем, связанных не только с вопросами ведения войны, но и с проблемами выработки принципов послевоенного устройства мира.

Все эти вопросы явились предметом специального исследования в ряде работ советских историков. В них рассматриваются общие проблемы политики США в годы второй мировой войны и после ее окончания. Позиция США в германском вопросе в военные и послевоенные годы неоднократно рассматривалась в советской исторической литературе. Однако пока нет специальных исследований, посвященных анализу работы второй Квебекской конференции, состоявшейся в 1944 г., в частности отсутствует анализ внутривнутриполитической борьбы в правительственных кругах США по германскому вопросу на этой конференции. Автор данной статьи ставит перед собой предельно ограниченную цель: на основании документальных источников, появившихся за последнее время в зарубежной и советской историографии, исследовать

³ Тегеран — Ялта — Потсдам: Сб. документов. М., 1971, с. 60, 98.

довать историю обсуждения германского вопроса на англо-американской конференции, происходившей в Квебеке. Значимость ее заключалась в том, что она состоялась вскоре после открытия союзниками второго фронта в Западной Европе. Эта конференция явилась одним из этапов для западных союзников по выработке своих позиций по послевоенному устройству Германии в связи с предстоящей Крымской конференцией руководителей трех великих держав.

* * *

Лето 1944 г. ознаменовалось двумя крупными событиями: могучим, стремительным, всесокрушающим наступлением Советской Армии в Белоруссии и вторжением американо-английских войск в Северную Францию. Война с этого времени вступила в новый этап, приняв коалиционный характер.

Быстрое продвижение советских войск на Запад, в направлении Балкан, вызвало беспокойство в правительственных кругах Англии и США. В Лондоне и Вашингтоне стали говорить о необходимости новой встречи глав союзнических правительств. Предложение Черчилля и Рузвельта провести такую встречу в Шотландии между 10 и 15 сентября 1944 г. в принципе не встретило со стороны Советского правительства возражений, однако момент для такой конференции в силу занятости Главнокомандующего Вооруженными Силами СССР был признан не совсем подходящим в связи с происходившими крупными сражениями в Белоруссии и Западной Украине, а также подготовкой нового советского наступления в Румынии и Прибалтике. Тогда Черчилль и Рузвельт решили провести двустороннюю конференцию. Она состоялась с 11 по 16 сентября 1944 г. в Квебеке.

Большую заинтересованность в проведении двусторонней конференции проявил Вашингтон. Проблемы послевоенной политики в Европе обсуждались, как было указано выше, правительственными кругами США с самого начала второй мировой войны, поскольку США хотели обеспечить себе главную роль в определении политической судьбы Германии. В государственном департаменте еще в январе 1940 г. была создана Совещательная комиссия по проблемам внешней политики под председательством заместителя государственного секретаря С. Уэллеса. Год спустя в помощь Совещательной комиссии был создан отдел специальных исследований для сбора и анализа информации о послевоенных планах союзных и нейтральных правительств.

В мае 1942 г. эта комиссия начала работу. В ее состав вошли представители госдепартамента и других ведомств, эксперты, а также представители от обеих палат конгресса⁴. Введение в комиссию членов конгресса преследовало цель обеспечить политическое планирование на двухпартийной основе, а в будущем

⁴ Заллет Р. Дипломатическая служба. М., 1956, с. 298—300.

гарантировать поддержку конгрессом послевоенной внешней политики США. Члены комиссии по иностранным делам сената и палаты представителей стали постоянными участниками совещаний в государственном департаменте⁵.

В ходе обсуждения германской проблемы определилось два подхода к ее решению. Некоторые влиятельные силы полагали, что уничтожение германского милитаризма не вполне соответствует американским интересам. Поэтому они высказывали мысль о желательности компромисса с немецкой буржуазией при условии устранения Гитлера и других главарей нацизма от власти. Они были готовы заключить с новым немецким правительством сепаратный мир⁶.

Другой точки зрения придерживался президент Рузвельт и его советники. Он мало верил в возможность краха Германии в результате заговора генералов. По словам Р. Шервуда, президент считал необходимым разгром германской армии⁷.

Наряду с планами политического урегулирования правительство США вырабатывало также основы американской послевоенной экономической политики в отношении Германии. Этими вопросами занимался созданный в ноябре 1942 г. правительственный отдел помощи и восстановления во главе с бывшим губернатором штата Нью-Йорк Г. Лименом. Этому отделу надлежало выявить роль и место побежденной Германии в послевоенной Европе, причем так, чтобы это соответствовало американским интересам. Как пишет американский историк У. Макнейл, США при этом столкнулись с необходимостью определить позицию США по отношению к СССР в послевоенный период⁸. Эти два вопроса ставились в зависимость друг от друга.

К моменту созыва конференции в Вашингтоне еще не была выработана единая точка зрения по германской проблеме, хотя на протяжении 1943 г. было высказано по этому поводу немало соображений. Концепция расчленения Германии на несколько частей неоднократно обсуждалась в правительственных кругах США задолго до вторжения союзников в Западную Европу. Историк Ф. Мосли отметил, что еще весной 1942 г. такая концепция была рассмотрена, однако она не встретила поддержки со стороны Совецательной комиссии по германскому вопросу. Рузвельт и Уэллес высказались за расчленение. Их мнение было отклонено⁹. После же вторжения англо-американских войск на территорию Франции, военные опередили, по выражению Стимсона, политиков, и последние стремились наверстать упущенное.

⁵ *An Uncertain Tradition. American Secretaries of State in the Twentieth Century* / Ed. by N. A. Graebnek. N. Y. etc., 1961, p. 207.

⁶ *Launan J. de. Secret Diplomacy of World War II*. N. Y., 1963, p. 66—70.

⁷ *Шервуд Р.* Указ. соч., т. 2, с. 176, 194, 233, 358.

⁸ *McNeill W. H. America, Britain and Russia. Their Co-operation and Conflict*. L., 1953, p. 313—315.

⁹ *Mosley Ph. Dismemberment of Germany. The Allied Negotiations from Yalta to Potsdam*.— *Foreign Affairs*, 1950, Apr., p. 489—491.

Комиссия продолжала изучение этой проблемы, разрабатывая аргументы в пользу своей позиции. В мае 1944 г. госдепартаментская комиссия под председательством Стеттиннуса высказалась за «федерацию» Германии и максимальное ослабление функций и полномочий центрального германского правительства. Члены комиссии предупреждали об опасности расчленения Германии. Это, утверждали они, чревато подъемом национализма. С другой стороны признавалась выгода решения, ибо каждая часть расчлененной Германии будет стремиться к автаркии и хозяйственному саморазвитию¹⁰.

Летом 1944 г. госдепартамент специально подготовил меморандум по этому поводу. В нем предусматривалось участие американского капитала в послевоенном возрождении Германии. Это вызвало оппозицию у сторонников ее расчленения. Были выдвинуты соображения экономического и политического характера¹¹. Наиболее активную роль в этом играл министр финансов Г. Моргантау. Он был близок к президенту. Рузвельт прислушивался к его мнению. Направляясь в августе 1944 г. в Европу, Моргантау на борту самолета ознакомился с меморандумом госдепартамента. Документ показался ему «слишком мягким». Такого же мнения придерживался и Эйзенхауэр¹².

Вернувшись в Вашингтон, Моргантау, находясь под впечатлением руин, которые он увидел в оккупированных нацистами странах, изложил свои соображения о послевоенном устройстве Германии Рузвельту. Президент согласился с мнением министра финансов, заметив при этом, что лидерам нацизма, но «не всему германскому народу надо дать возможность ощутить и прочувствовать свою вину»¹³. Любопытно, что в августе военное министерство США опубликовало инструкции представителям американской военной администрации. Они во многом совпадали с планом госдепартамента и предусматривали «как можно меньшее нарушение работы германской промышленности»¹⁴.

Видимо, этот факт несколько обеспокоил президента. Он вернул Стимсону сборник инструкций военного министерства с кратким заключением, адресованным многочисленным сторонникам заигрывания с германским реваншизмом. «Создается впечатление, — писал президент, — что Германия должна быть восстановлена после войны на таких же основах, что и Нидерланды или Бельгия и германский народ будет возвращен к своему предвоенному благополучию». Отвергнув «как ложный» тезис, что

¹⁰ Foreign Relations of the United States. The Conference at Quebec 1944. Wash., 1972, p. 128.

¹¹ Chase J. The Development of the Morgenthau Plan through the Quebec Conference. — The Journal of Politics, 1954, May, XVI, p. 324—325.

¹² Ibid., p. 330—332.

¹³ Ibid., p. 334—336.

¹⁴ Stimson H., Bundy M. On Active Service in Peace and War. N. Y., 1948, p. 569; Neumann W. After Victory. Churchill, Roosevelt, Stalin and the Making of the Peace. N. Y., 1967, p. 132—133.

германский народ в целом не ответствен за преступления фашизма, Рузвельт теперь настаивал, чтобы «в каждый германский дом» было внесено ощущение коллективной виновности всех немцев за действия Германии при Гитлере, и распорядился создать специальный межведомственный комитет для выработки более приемлемого плана действий в германском вопросе. Председателем этого комитета был назначен Хэлл, его членами — Стимсон, Моргентау и Гопкинс.

Сотрудничество членов этого комитета оказалось малоэффективным. Комитет вскоре разделился (по сходству взглядов) на две группы: с одной стороны Хэлл и Стимсон и с другой — Моргентау и Гопкинс. Каждая из этих групп представляла свои доклады и опровергала доклады коллег по комитету.

Перед правительственной администрацией возник вопрос: оставить ли побежденную Германию с ее достигнутым ранее промышленно-экономическим потенциалом или проводить политику полной деиндустриализации, т. е. лишить ее собственной промышленности, превратив Германию в сельскохозяйственную страну¹⁵.

Доклады Стимсона и Хэлла первоначально повторяли их предшествовавшие высказывания по германскому вопросу. Что же касается Моргентау, то он изложил свои взгляды по германскому вопросу на заседании комитета, которое состоялось в Белом доме. Собственно говоря, докладчиком на этой встрече выступил один из помощников и советников министра финансов Г. Уайт. Впоследствии, в период маккартизма, Уайт был обвинен в симпатиях к коммунизму, а некоторые американские буржуазные историки даже квалифицировали весь «план Моргентау» как «проявление коммунистических интриг»¹⁶.

«План Моргентау» довольно подробно проанализирован в иностранной и советской исторической литературе¹⁷. Здесь поэтому представляется необходимым отметить только следующие его элементы. По этому плану Саар и прилегающие к нему территории между реками Мозель и Рейн отходили к Франции. Рейнская область, Кильский канал и район, расположенный к северу от Кильского канала, должны были стать международной зоной и управляться «международным органом». Остальную часть Германии намечалось разделить на два «автономных государства»: Северогерманское государство, включая Пруссию, Саксонию, Тюрингию, и Южногерманское государство в составе Баварии, Вюр-

¹⁵ Foreign Relations of the United States. The Conference at Quebec 1944, p. 84, 129, 390.

¹⁶ Blake N., Bark O. The United States in the World Relations. N. Y., 1960, p. 694.

¹⁷ См., например: Иноземцев Н. Н. Американский империализм и германский вопрос, 1945—1954. М., 1954; Исраэлян В. Л. Антигитлеровская коалиция. М., 1964; Николаев П. А. Политика США, Англии и Франции в германском вопросе. М., 1964; Яковлев Н. И. Новейшая история США. М., 1961; Анпатов С. И. Американская буржуазная историография германской проблемы. М., 1966, и др.

темберга и других районов, которое должно было иметь таможенную унию с Австрией. Рур, по «плану Morgентау», предусматривалось превратить в «международную зону».

Авторы «плана Morgентау» предлагали производить возмещение убытков и выплачивать репарации странам, пострадавшим от немецкой оккупации, путем передачи немецких материальных ресурсов. Они считали при этом, что репарации в форме периодических платежей и поставок явятся стимулом возрождения и укрепления промышленно-экономического потенциала и военного возрождения Германии. Вследствие этого целью союзных войск, по их мнению, должна была быть полная демилитаризация Германии в возможно короткий срок после капитуляции. По мнению Morgентау, это означало разоружение немецкой армии, уничтожение немецкой промышленности, всех военных материалов, которые служат базисом для военной мощи.

В «плане Morgентау» особое внимание было уделено району Рура. Morgентау излагал свою точку зрения в следующей интерпретации: «Рур — это кухня войн. Этот район должен быть не только отделен от всех в настоящее время существующих отраслей промышленности, но и настолько ослаблен и подвергнут такому контролю, чтобы он не смог в обозримом будущем стать индустриальным районом»¹⁸. Осуществить этот план Morgентау предлагал следующим образом: в течение самого короткого периода времени, если возможно, не более чем через шесть месяцев после прекращения боевых действий, все промышленные объекты и оборудование должны быть полностью демонтированы и вывезены из этого района. Вывоз заводов и оборудования членами объединенных наций следует засчитывать в качестве возмещения убытков и репараций поверженной Германией. Людям, проживающим в районе, надо дать понять, что Рур никогда не станет опять промышленным. Все люди и их семьи, живущие там и имеющие специальные навыки или техническое образование, должны быть выселены с запрещением возвращаться. Рур должен быть превращен «в международную зону». Установление международного контроля над ней должно быть организовано объединенными нациями¹⁹.

«План Morgентау» предусматривал запрещение союзному руководству принимать какие-либо меры по поддержанию или усилению немецкой экономики.

Значительное место в «плане Morgентау» уделено вопросу о репарациях странам, оккупированным полностью или частично фашистской Германией, в том числе Советскому Союзу. Авторы

¹⁸ Основной текст не датирован, но копия в документах Morgентау имеет следующие заметки: «Министерство финансов — 5/9/44. Послано Хэллу 6/9/44 г.». Меморандум министерства финансов от 1 сентября 1944 г. напечатан. См.: Morgenthau Diary (Germany). Wash., 1967, vol. 1, p. 503—508, 517—519.

¹⁹ Morgenthau Diary (Germany), vol. 1, p. 608—609; Foreign Relations of the United States. The Conference at Quebec 1944, p. 102, 124, 129, 139.

плана доказывали, что вопрос о репарациях, масштабе и характере их осуществления явится не чем иным, как «возрожденной могущественной Германией». В частности, в инструкции, приложенной к «плану Моргентау», от 9 сентября 1944 г. говорилось: «Выплата Германией репараций, будь то в денежной форме или в форме товаров, приведет к восстановлению и реконструкции немецкой экономики, усилению ее мощности. А это потребует для нее внешних рынков». Предлагая расчленение Германии и уничтожение ее промышленности, Моргентау и его соавторы стремились добиться двух целей: во-первых, Соединенным Штатам необходимо было ликвидировать Германию как экономического конкурента и установить господство на европейских рынках. Это отвечало интересам тех американских промышленников, которые испытывали перед войной конкуренцию германских монополий и терпели убыток от распространения немецких товаров на рынках США; во-вторых, уничтожением немецкой промышленности правящие круги США надеялись затруднить получение Советским Союзом репараций со стороны Германии в форме материальных ценностей и товаров.

Представители многих монополий, сотрудничавших с Германией перед войной, выступили против деиндустриализации Германии, против «плана Моргентау». Их позиция получила отражение в «плане Хэлла — Стимсона», выработанном госдепартаментом совместно с военным министерством. В брошюре «Что должно быть сделано в отношении Германии после войны», изданной военным министром именно в период открытой дискуссии по выработке позиции США по послевоенному устройству Германии, в 1944 г., указывалось: «Желательно, чтобы Германия не только получила разрешение, но и чтобы ей была бы оказана помощь в восстановлении производственных мощностей в таком объеме и так быстро, как это окажется возможным»²⁰.

План госдепартамента и военного министерства был направлен на сохранение немецкой промышленности. В его поддержку выступили: заместитель государственного секретаря Э. Стеттиниус, он же председатель правления моргановской «Юнайтед Стейтс корпорейшн»; помощник государственного секретаря Н. Рокфеллер; ставленник Рокфеллеров Д. Макклой, владелец юридической фирмы «Мидлен, Твид, Хоуп энд Макклой»; Р. Ловетт, крупнейший банкир, совладелец банка «Браун, бразерс Гарриман энд К°»; Дж. Форрестол, президент банка «Диллон, Рид энд К°»; другой вице-президент банка «Диллон, Рид энд К°», П. Нитце; ответственные сотрудники госдепартамента и др.

Противники Рузвельта высказывались за сохранение военно-промышленного потенциала Германии, протестуя либо против «репараций в натуре», либо вообще против всяких репараций. Сопротивляясь политике сотрудничества с СССР во время войны,

²⁰ Иноземцев Н. Н. Указ. соч., с. 20.

реакционеры-республиканцы Дьюи, Тафт, Дж. Маккарти, правые деятели типа Дж. Даллеса и А. Даллеса, Буллита, Г. Люса и Херста, бывшего президента США Г. Гувера решительно выступили за сохранение промышленного потенциала Германии и лишение СССР каких-либо реальных репараций с Германии²¹.

Представляет особый интерес сама позиция руководителей военного министерства и госдепартамента, занятая ими во время подготовки встречи Рузвельта и Черчилля на Квебекской конференции по послевоенному устройству Германии. Так, при встрече Хэлла с Рузвельтом, состоявшейся 5 августа 1944 г., госсекретарь изложил президенту принципиальную точку зрения госдепартамента по вопросу расчленения Германии. Он отметил, что расчленение Германии на два или более отдельных государств, предусмотренное «планом Morgenthau», представляет собой практическое средство возможного предупреждения любого возобновления немецкой агрессии. Такое средство он считал действительно кардинальным²².

Вместе с тем глава госдепартамента пытался убедить президента в том, что возможное расчленение Германии может привести к серьезному росту негодования самих немцев, ибо эта мера является условием разобщенности территории целого государства. Это снизит военно-промышленный потенциал, а США должны планировать послевоенное противостояние СССР в Европе.

Наконец, утверждал Хэлл, планируемое расчленение принесет серьезные опасности для экономической стабильности Европы в целом и Германии в частности²³.

Приводя аргументы против плана расчленения Германии и ратуя за сохранение ее промышленного потенциала в гегемонистских интересах США, Хэлл отмечал, что нужно запретить Германии производство и импорт оружия, амуниции и средств войны, не допускать развитие экономики в военных целях. Важно не позволять Германии участвовать в международных экономических организациях и использовать ее международную торговлю и коммерческие отношения как инструмент национальной политики²⁴.

Госдепартамент рекомендовал также уничтожить привилегированные позиции собственников поместий — юнкеров и промышленных концернов. По мнению Хэлла, проблема юнкеров могла бы быть разрешена путем раздробления больших земельных владений. Он предлагал провести и национализацию определенных отраслей промышленности. Это послужило бы устранению милитаризма и политических и экономических злоупотреблений, возникающих из чрезмерной концентрации экономической мощи

²¹ Hoover H., Gibson H. The Problems of Lasting Peace. N. Y., 1944, p. 247.

²² Foreign Relations of the United States. The Conference at Quebec 1944, p. 48—57.

²³ Ibid., p. 59.

²⁴ Ibid., p. 60.

в частных руках. Более того, по его мнению, следовало препятствовать развитию новых форм промышленных объединений на немецкой и на международной основе, которые могли бы внести свою лепту в возобновление германской экономической и политической агрессии в Европе²⁵.

Излагая точку зрения госдепартамента по устройству Германии, государственный секретарь обратил внимание и на вопросы внешней политики Германии в будущем. Он утверждал, что позиция послевоенной Германии в мировых делах будет в значительной степени обусловлена успехом или неудачей в сотрудничестве союзников по вопросу безопасности в Европе. Нельзя не учитывать, продолжал Хэлл, что Германия является наиболее населенной и производительной страной в Европе. Она может угрожать миру при условии, если страны-победители поссорятся между собой и если Россия или Англия попытается взять Германию в свою орбиту. Лучшей гарантией против такого развития событий было бы продолжительное сотрудничество трех основных победителей в отношении к Германии, а также создание такой международной организации, в рамках которой безопасность со стороны Германии была бы обеспечена²⁶. Эти идеи были изложены в официальном меморандуме на имя президента от 6 сентября 1944 г.

Весьма осторожно и довольно объективно подходил к вопросу о выработке общей позиции госдепартамента начальник отдела по вопросам Центральной Европы Риддлбергер. В своем меморандуме от 1 сентября 1944 г., озаглавленном «Политика США по отношению к Германии после ее поражения», он предупреждал, что американская сторона преждевременно рассматривает основные положения по устройству будущей Германии, так как еще не известна политика союзников, ни Англии, ни Советского Союза²⁷.

Обосновывая позицию госдепартамента, он отмечал, что если США предлагают расчленение Германии, то следовало бы уточнить, какую часть Германии должны разделить на определенное число мелких государств. Причем к расчленению Германии, по его мнению, необходимо было бы отнести не только территорию бывшего рейха, но и ранее насильственно захваченные фашистской Германией территории Польши, Чехословакии и других стран. Он предлагал включить всю территорию Восточной Пруссии в планируемое расчленение Германии. Риддлбергер указывал при этом, что план США о расчленении Германии, разобщении немецкой нации не найдет поддержки со стороны союзников по антигитлеровской коалиции, рассматривал расчленение Германии как фактор возможного образования зон оккупации Германии. «Расчленение Германии, о котором в настоящее время так остро поднят вопрос, в действительности,— говорилось в мемо-

²⁵ Ibid., p. 60, 61.

²⁶ Ibid., p. 61.

²⁷ Ibid., p. 81.

рандуме, — не отражает и не решает жизненно важных концепций будущей Германии. Но если этот вопрос и будет предметом обсуждения нашей политики на предстоящей встрече с Черчиллем, то следовало бы его обуславливать зонами оккупации, которые бы соответствовали расчленению Германии»²⁸.

Риддлбергер, обосновывая позицию госдепартамента по германскому вопросу, критически относился к осуществлению «плана Morgenthau». Он отмечал, что уничтожение промышленности Германии не только вызовет пагубные последствия для Германии, но и серьезно отразится на европейской экономике. План превращения Германии в сельскохозяйственную страну заставит многие миллионы немцев эмигрировать в другие страны. Кроме того программа деиндустриализации Германии, по его мнению, вызовет значительную оппозицию в Европе, не говоря уже о вполне возможной неприемлемости этого плана для Советского Союза²⁹.

Наличие разногласий по германскому вопросу побудило правительство США провести специальное совещание. Оно состоялось 4 сентября 1944 г. под руководством Г. Гопкинса. В нем участвовали представители госдепартамента, министерства обороны и финансов. Повестка дня совещания: устройство послевоенной Германии. Было проведено три заседания. В них участвовали: от госдепартамента Данн, Маттюз, Риддлбергер, от министерства обороны генерал Хилдринг, от министерства финансов помощник министра финансов доктор Г. Уайт. На первом заседании госдепартамент и министерство финансов представили свои меморандумы по проблемам послевоенного устройства Германии. Дебаты между представителями ведомств носили довольно острый характер. Каждый из выступавших отстаивал свою точку зрения. Дискуссия выявила сходные точки зрения и разногласия. Сходство проявилось в принципах осуществления демилитаризации Германии, включая полный роспуск немецких вооруженных сил, нацистских организаций, уничтожения оружия, амунниции и средств войны, запрещение дальнейшего производства в Германии оружия и средств войны, порядок интернирования лиц, служивших в СС и гестапо, аннулирование всех ранее действовавших в фашистской Германии законов.

Одновременно выявились разногласия. Г. Уайт выступил за расчленение Германии. Он, в частности, сказал: «Перед США стоит вопрос о том, следует ли расчленить Германию или оставить ее в прежних границах. В конечном итоге суть дела должна заключаться в том, что Соединенные Штаты отныне должны рассматривать Германию в совершенно ином свете. Германия больше не господствующая держава в Европе. Таковой будет Россия, она располагает громадными ресурсами. Поэтому США следует исходить из того, что в конечном счете Германия, будет она

²⁸ Ibid., p. 82.

²⁹ Ibid., p. 81—85.

расчлененной или нет, должна постепенно влиться в Федерацию Западной Европы. Это должно быть сделано под прикрытием союза Англии, России и Америки»³⁰.

Представитель госдепартамента Риддлбергер доказывал неприемлемость «плана Morgenthau». В своем выступлении он утверждал, что «план Morgenthau» в политическом и в социально-экономическом аспектах является практически неоправданным. Расчленение Германии, по его мнению, в определенной степени задержит осуществление целей США, которые заключаются в том, чтобы будущая Германия с ее военно-промышленным потенциалом в конечном итоге была сердцевинной в борьбе с советским влиянием на европейском континенте³¹. Таким образом, представитель госдепартамента не устраивал план превращения послевоенной Германии в «страну полей и пастбищ», как это было предусмотрено «планом Morgenthau». Он предлагал сохранение в будущем германского промышленного потенциала как «контрбаланса» против Советского Союза. Позиция министерства обороны США совпадала с планами госдепартамента. Так, например, министр обороны Стимсон в письме президенту Ф. Рузвельту от 5 сентября 1944 г. излагал свою точку зрения следующим образом: «Я детально ознакомился с планами Morgenthau и госдепартамента по послевоенному устройству Германии. В принципе я согласен с общей позицией министерства финансов и госдепартамента по вопросу отношения нашей страны к поверженной Германии с целями, которых мы должны добиваться при „модернизации“ Европы. Вместе с этим, — продолжал Стимсон, — министерство обороны категорически возражает против того, чтобы немецкая военно-промышленная мощь была полностью уничтожена, чтобы она была целиком и полностью зависимой от импорта и, наконец, чтобы военно-стратегические и промышленно развитые районы Рур и Саар были превращены в сельскохозяйственные угодья»³².

Аргументируя свою позицию, Стимсон в том же письме утверждал, что он не может понять, почему официальные должностные лица правительственной администрации США так безответственно подходят к решению столь важных и жизненных проблем, стоящих перед будущей побежденной Германией и в большей степени не учитывают собственные интересы после окончания второй мировой войны. «План Morgenthau», продолжал военный министр, может нанести ущерб будущей Германии. Наши союзники в Европе, подчеркивал он, должны почувствовать необходимость и выгоду в быстрейшем восстановлении немецкого про-

³⁰ Ibid., p. 44.

³¹ Ibid., p. 94.

³² Письмо было послано государственному секретарю Хэллу для передачи президенту. Копии письма — Стимсону, Гопкинсу, Morgenthau. См.: Foreign Relations of the United States. The Conference at Quebec 1944, p. 98—100.

мысленного потенциала, а не в уничтожении его. Темп восстановления и даже возможная «модернизация» немецкого промышленного потенциала представляет собой огромную важность именно для США, если только стремиться избежать опасных конвульсий в Европе³³.

Таким образом, позиция военного министерства Соединенных Штатов практически мало чем отличалась от позиции госдепартамента в политических и экономических принципах послевоенного устройства Германии. При планировании послевоенного устройства Германии оба министра исходили из того, что после окончания войны США должны занимать господствующее положение в мире. Именно этим объясняется их усилие, направленное на противодействие росту влияния Советского Союза и прогрессивным переменам в Европе, наносившим удар по всей капиталистической системе и интересам империалистических держав. В основе «плана Моргентау» лежало стремление устранить Германию прежде всего как экономического конкурента, а госдепартамент и военное министерство США не упускали из поля зрения и другой, не менее важный для них, аспект — возможность использования Германии в будущем в антисоветских целях.

По мере приближения конца войны и все большего усиления военной мощи Советского Союза и его международного влияния в результате одержанных им побед руководители госдепартамента и военного министерства стали придавать этому политическому аспекту решения германского вопроса еще большее внимание и значение. Выступая в роли сторонника демилитаризации Германии, госдепартамент тут же призывал к использованию Германии в будущем в качестве антисоветского бастиона. Что касается военного министра Стимсона, то он утверждал, что даже восстановленная Германия не опасна для США, которые владеют первоклассным оружием и находятся в зените своего военного, экономического и политического могущества.

Дискуссия представителей трех ведомств по германскому вопросу под председательством Г. Гопкинса не привела к единому мнению. Было решено представить меморандумы министра финансов Моргентау, государственного секретаря Халла и военного министра Стимсона лично президенту. Это было сделано 6 сентября 1944 г. В тот же день в Белом доме Рузвельт принял всех членов межведомственного комитета по выработке плана действия в германском вопросе, намереваясь, видимо, прийти к единому мнению. Сам президент в какой-то степени, казалось, отошел от прежней позиции, предусматривавшей полную деиндустриализацию Германии. Но крайней мере Рур он предлагал не деиндустриализировать, а сохранить его для обслуживания нужд союзной оккупационной армии, а также для снабжения Британии и

³³ Ibid., p. 100.

Франции³⁴. Это обрадовало Стимсона и Хэлла. Однако Моргентау не сдавался: он потребовал вторичного рассмотрения вопроса президентом. 9 сентября участники затянувшегося спора вновь собрались в Белом доме. Выступивший первым Моргентау сразу же бросился в атаку. Опровергая аргументы своих противников, он доказывал, что Европа вполне может обойтись без германской промышленности, что Рур не нужен соседям и партнерам Германии, более того, он является опасным конкурентом и ликвидация его угольных шахт может компенсироваться Англией³⁵.

Но аргументы и эмоциональность Моргентау не произвели никакого впечатления на его оппонентов. Выступление министра финансов вызвало не менее сильное сопротивление с их стороны, чем в предшествовавших случаях. В частности, Стимсон и Хэлл повторили свои доводы об экономической невыгодности для США «деиндустриализировать» Германию. Президенту оставалось лишь зафиксировать, что стороны были, как и прежде, далеки от соглашения. Ему пришлось закрыть заседание, отложив решение вопроса. Нужно было продолжать его изучение, хотя 11 сентября ему предстояло следовать в Квебек и начать там очередные переговоры с Черчиллем.

Стимсон и Хэлл вернулись в свои ведомства с ощущением, что «план Моргентау» если и не провален окончательно, то во всяком случае в ближайшем будущем принят быть не может. Но оказалось иначе.

13 сентября совершенно неожиданно для членов кабинета Моргентау получил телеграмму президента с распоряжением немедленно вылететь в Квебек. Характерно, что ни государственный секретарь, ни военный министр не были вызваны в Квебек, хотя обсуждались там не только финансовые вопросы, а в гораздо большей степени проблемы внешней политики и военной стратегии.

По приезде в Квебек Моргентау был приглашен на обед, где присутствовали Черчилль и Рузвельт. Он провел с ними весь вечер, изложил им свой план, вручил меморандум с текстом своих предложений, и 15 сентября Рузвельт и Черчилль поставили свои инициалы под «планом Моргентау». Они тем самым санкционировали его, хотя и в форме предварительного парафирования этого документа.

Окончательный вывод меморандума Моргентау гласил: «Эта программа ликвидации военной промышленности Рура и Саара предусматривает в будущем превращение Германии в страну преимущественно аграрную, пасторальную по характеру. Прези-

³⁴ *Stimson H., Bundy M. Op. cit., p. 573—574; Congressional Record, 79th Congress, 1st Session, p. A2012.*

³⁵ *Foreign Relations of the United States. The Conference at Quebec 1944, p. 133—135; Stimson H., Bundy M. Op. cit., p. 573—574.*

мент и премьер-министр полностью согласны друг с другом в отношении этой программы»³⁶.

В сопроводительной записке Рузвельта говорилось, что подписанный документ он «считает полностью удовлетворительным».

Что же побудило Рузвельта и Черчилля поставить под этим документом свои инициалы. Ответ на этот вопрос породил оживленную полемику в американской исторической литературе, в ходе которой были высказаны подчас весьма откровенные суждения и оценки. Правда, многие авторы ограничивали свой «анализ» утверждениями, что Morgenthau выдвинул столь крайнюю программу, во-первых, потому что был евреем³⁷, а, во-вторых, потому что находился под влиянием «прокоммунистов» Г. Уайта, Н. Силвермена, Л. Керри.

Нетрудно понять, что такая «концепция» особенно по вкусу реваншиствующим западногерманским историкам, которые с поспешностью, заслуживающей иного применения, зачислили Morgenthau и его сотрудников в «агентов Москвы», а «план Morgenthau» безапелляционно объявили «планом Сталина»³⁸. Подобные утверждения, разумеется, не соответствовали действительности и были сделаны в целях дискредитации политики президента Рузвельта.

Вместе с тем в ходе дискуссии вокруг «плана Morgenthau» были высказаны мысли, проливающие свет на некоторые аспекты этого плана. Так, в 1947 г. американский историк Хилл высказал предположение, что Morgenthau имел в виду обеспечить посредством «деиндустриализации» Германии возможность для американской промышленности приобрести все те рынки и сферы экономического влияния, где прежде хозяйничали небезуспешно конкурировавшие с американскими монополиями немецкие концерны и банки³⁹.

Спустя почти полтора десятилетия эту мысль значительно подробнее развил и обосновал Дж. Дэвидс. На основе изучения многочисленных материалов и документов он пришел к выводу, что, разрабатывая этот план, Morgenthau исходил из классового понимания национальных интересов США. Он полагал, что по окончании войны в Америке вспыхнет подъем изоляционистских настроений. Это вынудит США вывести войска из Европы, «вернуть парней домой». В этом случае Европа будет предоставлена самой себе. Франция и Англия будут ослабленными. В сложившейся

³⁶ *Hull C. Memoirs*. N. Y., 1948, vol. 2, p. 1610—1611; *Foreign Relations of the United States. The Conference at Quebec 1944*, p. 467.

³⁷ Л. Болдуин считает, что еврейское происхождение Morgenthau вызвало «естественную» с его стороны ненависть ко всем немцам и всему германскому народу, что и нашло концентрированное выражение в «плане Morgenthau».

³⁸ *Lowenstein H., Zuhldorf V. Deutschlands Schicksal 1945—1947*. Bonn, 1957, S. 14.

³⁹ *Hill R. The Struggle for Germany*. N. Y.; L., 1947, p. 110.

ситуации Германия быстро может собраться с силами. Поэтому лучше ее превратить в «страну настигов». Такая трансформация Германии выгодна и для США. Если германская индустрия будет уничтожена, Соединенные Штаты смогут использовать это и снабжать европейские страны теми видами продукции, какие они получали до войны из Германии⁴⁰.

Хотя Рузвельт никогда не говорил о всех этих соображениях, они, несомненно, были ясны ему не в меньшей степени, чем самому Morgenthau. Это и определило, надо полагать, парафирование президентом «плана Morgenthau» в Квебеке.

Несколько иначе подходили к делу англичане. В высокопоставленных кругах Лондона не без опасений взирали на растущую популярность в США разных планов расчленения Германии и ликвидации ее промышленности. Узнав об этом, начальник имперского генштаба фельдмаршал Алан Брук в 1944 г. решительно отверг планы, относящиеся к ослаблению Германии в военно-экономическом отношении⁴¹.

Учитывая финансовые трудности Великобритании и зная настроение Лондона по поводу путей решения германской проблемы, Рузвельт и Morgenthau предприняли важный дипломатический шаг. Они предложили Черчиллю заем в 6,5 млрд. долл. в обмен на его поддержку «плана Morgenthau». Этот заем был выгоден Великобритании, так как из общей суммы в 6,5 млрд. долл. 3 млрд. предназначались на финансирование американских поставок Англии невоенного характера. Иначе говоря, они могли быть использованы на нужды ее реконверсии и повышение ее конкурентоспособности в первый послевоенный период⁴².

Заметим, что британские правящие круги не были единодушны в вопросе о будущем Германии. Если Алан Брук и его единомышленники и слышать не хотели о каком-либо ослаблении Германии, то лидер оппозиции К. Эттли и многие влиятельные руководители лейбористской партии, напротив, одобряли, по крайней мере на словах, весьма решительные меры по отношению к побежденной Германии. Эттли считал возможным иметь разделенную Германию. Черчилль не мог не считаться с этим фактом и иногда время от времени проявлял готовность продемонстрировать согласие со своими партнерами по кабинету и конкурентами в борьбе за власть. Вот почему Черчилль поставил свои инициалы рядом с инициалами Рузвельта.

16 сентября Хэлл и Стимсон были потрясены, узнав об одобрении «плана Morgenthau» на высшем уровне. Их негодование было усилено еще и тем, что узнали они об этом из газет. Каким-то образом «план Morgenthau», считавшийся в Вашингтоне совершенно секретным, в Квебеке стал достоянием прессы, как канадской, так и американской, а затем и английской. Никакой

⁴⁰ *David J. America and West in Our Time*. N. Y., 1976, p. 291.

⁴¹ Правда, 1964, 15 июля.

⁴² *Chase J. The Development of the Morgenthau plan*, p. 353—354.

другой информации министры не имели до самого 20 сентября, когда Моргентаву ознакомил их вкратце с тем, как в Квебеке был решен этот вопрос. Сообщение Моргентаву вызвало сильнейшую негативную реакцию его коллег — Хэлла и Стимсона.

Однако министр финансов преждевременно праздновал свой триумф. Выслушав его, Хэлл сразу же перешел в наступление. Он нанес удар едва ли не в самое уязвимое место своего оппонента. Он спросил, как можно было принять такое решение без Советского Союза.

И действительно, не только очевидец и участник событий К. Хэлл, но и их историограф Г. Фейс подтверждают, что ни президент, ни премьер-министр, ни Объединенный комитет начальников штабов не консультировались с Советским правительством не только по вопросу о «плане Моргентаву», но и вообще по всем вопросам повестки дня Квебекской конференции⁴³. Так что у Хэлла были все основания высказать такой упрек не только Моргентаву, но и самому президенту.

Затем Хэлл, а после него и Стимсон вновь подвергли критическому разбору «план Моргентаву» и договорились, что каждый из них представит президенту свое особое мнение и будет отстаивать его до конца. Так они и поступили. В итоге Рузвельт решил отступить. 27 сентября он позвонил Стимсону и сказал, что под впечатлением публичной критики «пришел к выводу, что совершил неверный шаг и теперь попытается его исправить»⁴⁴. Рузвельт утверждал, что на самом деле он вовсе не намеревался сделать Германию чисто сельскохозяйственной страной, а подлинный мотив его действий состоял в том, чтобы что-то сделать для вывода ослабленной британской промышленности из неизбежной депрессии по окончании войны. В заключение Рузвельт пригласил Стимсона продолжить разговор в Белом доме, где он опять подтвердил, что не собирался превращать Германию в сельскохозяйственную страну. Когда же Стимсон прочел ему полный текст подписанного в Квебеке Рузвельтом и Черчиллем документа, то Рузвельт воскликнул: «Не помню, как я мог подписать такое!» Затем добавил: «Не подумал как следует»⁴⁵. Затем президент в аналогичной форме поставил в известность и Хэлла.

29 сентября государственный секретарь направил в Белый дом очередной меморандум по германскому вопросу, где на сей раз не ограничился критикой «плана Моргентаву», а изложил альтернативный план. В нем было наиболее полно отражено решение германской проблемы с точки зрения правительственных кругов США. В документе предлагалось проведение демилитаризации и денацификации Германии, говорилось о необходимости сотрудничества с СССР и Британией, что никакие решения о расчленении

⁴³ Feis H. Churchill, Roosevelt, Stalin. L., 1957, p. 401.

⁴⁴ Morison S. Turmoil and Tradition. A Study of the Life and times of H. L. Stimson. Boston, 1960, p. 609.

⁴⁵ Ibid.

Германии не могут быть приняты, пока не определится международная ситуация и отношения к этому вопросу союзников⁴⁶.

В тот же день Рузвельт направил Хэллу личное письмо, в котором повторил все, что днем ранее говорил Стимсону. Рузвельт писал, что кто-то заронил в прессу слухи о намерении США превратить Германию в сугубо аграрную страну. Этого никто не хочет и даже никто не предлагает полностью разрушить германскую промышленность в Руре и Сааре. Далее в письме говорилось, что единственная его забота состояла в том, чтобы Англию в итоге войны не постигло банкротство, а Германия не возобновила бы строительство своего военно-промышленного потенциала⁴⁷.

Но это, конечно, было уже совсем не то, под чем Рузвельт и Черчилль подписались в Квебеке.

Последний акт истории с «планом Morgenthau» имел место 20 октября 1944 г. В этот день Рузвельт одобрил основные положения меморандума Хэлла от 29 сентября и в противоположность тому, о чем говорилось в Квебеке, заявил, что он не одобряет идею составления детальных планов для страны, которую даже еще и не оккупировали.

Таким образом, «план Morgenthau» потерпел провал. Дальнейшие события все той же осени 1944 г. показали, насколько основательны были опасения Рузвельта насчет «умиротворительных» тенденций в отношении Германии в американских правительственных сферах. 10 ноября 1944 г. госдепартамент в порядке отклика на полемику в связи с «планом Morgenthau» и письмом президента представил Рузвельту меморандум о политике США в германском вопросе в период завершения войны и перехода от войны к миру. В этом документе содержалось что-то вроде «антиплана Morgenthau», причем госдепартамент отошел не только от идеи министра финансов, но и от ряда положений, содержащихся в меморандуме Хэлла от 29 сентября. Внешнеполитическое ведомство США заявляло, что американская политика в германском вопросе вовсе не должна совпадать с политикой союзников США по антигитлеровской коалиции. «Наша политика должна быть жестче британской, но мягче русской», — говорилось в меморандуме⁴⁸. Далее в документе отмечалось, что Британия заинтересована в сохранении Германии и не интересуется какими-либо структурными, экономическими, социально-политическими и идеологическими преобразованиями там. Советский же Союз настаивает на ликвидации ключевых позиций германских промышленных и сельскохозяйственных монополий⁴⁹.

⁴⁶ Foreign Relations of the United States. The Conference at Quebec 1944, p. 389.

⁴⁷ Public Papers and Addresses of FDR, 1944—45 vol. N. Y., 1950, p. 270.

⁴⁸ Foreign Relations of the United States. Conferences at Malta and Yalta. Wash., 1955, p. 156—159.

⁴⁹ Ibid., p. 166—167.

Отсюда следовал вывод госдепартамента о том, что США должны быть несколько радикальнее Британии в отношении минимально необходимых преобразований в Германии, но ни в коем случае не должны солидаризироваться с антимонополистической программой Советского Союза. В меморандуме предлагалось возможно быстрее, «пока еще не поздно», выработать общую межсоюзническую платформу по германскому вопросу, базой которой должна быть «умеренная», «средняя» американская программа. США должны достичь соглашения с Британией и Россией относительно политики контроля над монополиями и устранения нацистов с ответственных постов⁵⁰.

Обращают на себя внимание серьезные изменения в позиции госдепартамента. Если 29 сентября в меморандуме выдвигалась идея ликвидировать позиции крупных монополий, то теперь говорилось лишь о том, чтобы взять монополии под контроль. Вместо денацификации Германии считалось достаточным «отстранение» нацистов с ответственных постов.

Таким образом, правительственные круги США, планируя программу послевоенного устройства Германии, полагали желательным сохранить промышленный потенциал Германии и впоследствии использовать ее в качестве «бастиона» против Советского Союза.

В высших политических и военных кругах Вашингтона и Лондона опасались роста международного авторитета Советского Союза и усиления его влияния при решении послевоенных европейских проблем, в первую очередь германской. Об этом недвусмысленно писали историки США в своих работах⁵¹.

В тайне в Вашингтоне и в Лондоне активно обсуждали германскую проблему, стремясь выработать единую линию до встречи с представителями СССР. Но действительность показывала разные подходы к решению вопроса о будущем устройстве Германии. Между американцами и англичанами обнаружились серьезные разногласия. Не случайно Уайт заметил в этой связи в конце 1944 г. в беседе с американским послом в Лондоне: «Я просмотрел многие документы правительства США и Англии, посвященные политическому планированию, и установил, что главная разница между ними заключалась в следующем: госдепартамент полагает, что для восстановления сильной Германии потребуется десять лет, а Форин офис считает, что это можно сделать за пять лет»⁵².

В западной буржуазной историографии позиция Советского Союза по вопросу послевоенного устройства Германии зачастую

⁵⁰ Ibid., p. 170—171.

⁵¹ Official Reports to the Secretary of the Navy by Fleet Admiral Ernst I. King. Wash., 1946; *Maltoff M. Strategic Planning for Coalition Warfare* 1943—1944. Wash., 1959, vol. 2, p. 518.

⁵² История международных отношений и внешней политики СССР. М., 1962, т. 2. 1939—1945, с. 402.

извращается, особенно история вопроса о выдвигании различных планов расчленения Германии⁵³.

Между тем, как свидетельствуют многочисленные документы, именно западные союзники поставили вопрос о расчленении Германии на Московской и Тегеранской конференциях⁵⁴. Советское правительство никогда не отождествляло клику Гитлера с германским народом и германским государством. В докладе по случаю 25-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции 6 ноября 1942 г. говорилось: «У нас нет такой задачи, чтобы уничтожить Германию. Но уничтожить гитлеровское государство — можно и должно. Наша первая задача в том именно и состоит, чтобы уничтожить гитлеровское государство и его вдохновителей»⁵⁵.

Таким образом, сложившаяся военная и внешнеполитическая обстановка во второй половине 1944 г. требовала от западных союзников незамедлительной встречи глав правительств США и Англии, чтобы не только рассмотреть и согласовать общую позицию по дальнейшему ведению военных действий для окончательного разгрома фашистской Германии, но также выработать и согласовать принципы «обращения» с Германией после ее поражения.

Германский вопрос и пути его решения были основными на повестке дня двусторонней Квебекской конференции западных союзников.

Как было выше указано, в правительственных кругах США в результате длительной и порой «бескомпромиссной дискуссии» при подготовке к конференции были выявлены два пути решения германского вопроса.

Во-первых, правительственные круги США видели в Германии прежде всего своего империалистического соперника и опасного конкурента на мировом рынке, в связи с чем они стремились к ее максимальному ослаблению. Их позиция в отношении Германии получила свое выражение в плане, подготовленном министром финансов США Г. Моргантау.

Во-вторых, германский вопрос имел для американского империализма и другой важный аспект: возможность использования Германии в будущем в антисоветских целях. По мере приближения конца войны и все большего усиления военной мощи Советского Союза и его международного влияния в результате одержанных им побед правительственные круги США придавали этому аспекту германского вопроса самое серьезное значение. В связи с этим в правительственных кругах США родилась другая концепция, предусматривающая не уничтожение тяжелой промышленности Германии, как это было по «плану Моргантау», но,

⁵³ Feis H. Op. cit.; The War They Waged and Peace They Sought. Princeton, 1957.

⁵⁴ Тегеран — Ялта — Потсдам, с. 57.

⁵⁵ Внешняя политика Советского Союза. М., 1944, т. 1, с. 70.

напротив, ускоренное восстановление всего военно-промышленного комплекса с последующей его модернизацией. Авторами этой концепции были государственный секретарь США Хэлл и военный министр Стимсон, которых поддерживали влиятельные круги американского империализма.

Возможно, может создаться на первый взгляд впечатление, что эти две концепции противостоят друг другу. Однако не следует заблуждаться на этот счет. Они не только не противоположны друг другу, а, более того, являются взаимным дополнением, ибо правительственные круги США при будущем осуществлении этих концепций исходили из одного и того же, а именно, что после окончания войны Соединенные Штаты должны занимать господствующее положение в мире. Этим объяснялось усиление при подготовке и в момент работы конференции антисоветских тенденций, направленных на противодействие росту влияния Советского Союза и прогрессивным переменам в Европе, наносившим удар по всей капиталистической системе и интересам империалистических держав.

На конференции не было принято какого-либо специального решения по германскому вопросу, хотя, как указано выше, «план Morgентау» был одобрен и парафирован президентом Рузвельтом и премьер-министром Черчиллем. Однако Рузвельт не мог не считаться с решающей ролью Советского Союза в войне с общим врагом, его реализм в определенной степени был предопределен изменившейся обстановкой на европейском театре военных действий, что в конечном итоге и вынудило его отказаться от четкого определения своей позиции в германском вопросе независимо от того, что его советники говорят или делают. Рузвельт не мог изменить своего обещания по решению германской проблемы, данного им при беседе с главой Советского государства на Тегеранской конференции 29 ноября 1943 г., на которой глава Советского правительства высказал некоторые соображения по германскому вопросу. И. В. Сталин в беседе с Рузвельтом констатировал, что, как показывает опыт истории, срок между войнами, развязанными Германией, все сокращается. Он указал, что для предотвращения агрессии в будущем следует принять более эффективные меры, чем те, которые намечались английским премьер-министром. Он сказал, что союзники должны создать такой специальный международный орган, который имел бы право занимать стратегически важные пункты. В случае угрозы агрессии со стороны Германии эти пункты должны быть незамедлительно заняты, с тем чтобы окружить и подавить агрессора. Президент Рузвельт высказал полное согласие с мнением главы Советского государства⁵⁶.

Таким образом, германская проблема берет свое начало еще с Тегеранской конференции, и на всех этапах общей борьбы с

⁵⁶ Тегеранская конференция руководителей трех союзных держав — СССР, США и Великобритании. М., 1978, с. 117—118.

гитлеровской Германией она не утрачивала своей остроты. Германский вопрос явился предметом обсуждения на конференциях в Крыму и Потсдаме. Советский Союз последовательно отстаивал на этих конференциях принципы демократического решения вопроса в отношении Европы, в том числе и Германии. Советская дипломатия в результате огромных усилий немало сделала для укрепления союзнических отношений с государствами антигитлеровской коалиции, ее стремления были направлены на применение новых принципов в международных отношениях и решение проблемы послевоенного устройства Германии на демократической основе. Свидетельством тому явились решения Крымской и Потсдамской конференций.

Другой точки зрения придерживались западные союзники по антигитлеровской коалиции. Они пытались обеспечить структуру послевоенной системы международных отношений в соответствии с интересами монополистического капитала в целом и сформировавшегося и крепнувшего в войне военно-промышленного комплекса и связанных с ним экономических и политических сил.

В правящих кругах США по этому вопросу имелось два направления. Одно — более реалистическое, возглавлявшееся президентом Рузвельтом. Его сторонники стремились в какой-то мере согласовать «национальные интересы» США (как они ими определялись) с объективной военно-политической обстановкой, необходимостью сотрудничать с СССР. Другое — преследовало экспансионистские цели американского империализма. Оно отрицательно воздействовало на союзнические отношения, саботировало и военное, и послевоенное сотрудничество с СССР. Реакционные силы стремились к обеспечению и расширению влияния США и Англии как в Европе в целом, так и в послевоенной Германии в частности. Квебекская конференция была попыткой США и Англии договориться о послевоенном устройстве Германии и других регионов Европы без участия СССР. Но подобные намерения были сорваны успехами Советских Вооруженных Сил на фронтах войны, активной дипломатической деятельностью СССР на конференциях трех союзных держав в Ялте и Потсдаме.

Документы конференции в Квебеке, характер обсуждаемых на ней вопросов и ее решения показывают подлинные цели и планы официальных кругов Вашингтона и Лондона в отношении устройства послевоенной Германии. Они позволяют глубже понять развитие международных отношений после окончания войны, в частности политику США и Англии в послевоенной Европе.